

10. *Кривицун О. А.* Смысл творчества в интерпретации художника XX века [Электрон. ресурс]. URL: http://samlib.ru/k/kriwscun_o_a/fail-01.shtml
11. Критика 1917–1932 годов. М., 2003.
12. *Партэ К.* Опасные тексты России. Политика между строк : пер. с англ. СПб., 2007.
13. Семиотика скандала : сб. ст. / ред.-сост. Н. Букс. М., 2008.
14. *Стогофф И.* 2010. А. Д. Роман-газета. М., 2009.
15. Уральский край. 1911. № 115.
16. *Филиппова Н. Ф.* Критик-поэт. Александр Сергеевич Пушкин. М., 1998.
17. *Эткинд А.* Седло Свияжского: лагерная критика в культурной истории советского периода // Новое лит. обозрение. 2010. № 101. С. 280–303.

А. А. Митрофанова
г. Санкт-Петербург

Стереотипы творческого поведения писателя в современной историко-культурной ситуации (Эдуард Лимонов)

В данной статье речь пойдет об отношении творческой общественности к политической деятельности Эдуарда Лимонова как составляющей, наряду с литературным творчеством, его личного поведения.

Поводом для нижеследующих соображений послужили резкие высказывания собратьев по перу, подобные цитируемому: «За Лимонова мне не обидно и не жаль его. <...> Вот тех “мальчиков”, “нацболов”, которые в ноябре 2000 г. захватили в Риге собор Святого Петра и вывесили на нем красный флаг, за что получили в еще более “демократической” Латвии от 5 до 15 (!) лет, мне искренне жаль. <...> Два года прямо-таки вынуждать вдрызг разругавшуюся писательскую общественность объединиться и выступить за — кого? — немолодого литературного “негодяя”, траченного молью эстетствующего “левака” из бывших портных, который в благодарность одарил эту самую общественность новыми шестью (!) книгами (!), созданными в “нечеловеческих” условиях постсоветского заключения. <...> Все его идеалы вполне исчерпываются левацкими европейскими настроениями почти полувековой давности.

Полная духовная и интеллектуальная бескормица. Добренский Виктор Ерофеев советует своему литературному товарищу... не заниматься политикой. <...> Но беда в том, что вне политики Лимонова нет. Пока его “тело” находилось в Лефортове, его “дело” напитьсявалось некой “пассионарностью” и чего-то стоило на буржуазном книжном рынке. Кстати, он это понимает» [1]. Критическая статья П. Басинского, автора приведенных слов, была опубликована вскоре после вынесения Эдуарду Лимонову судебного приговора в 2003 г.

Оставив в стороне лично окрашенную экспрессивность суждений Басинского, отметим, что в большинстве своем писательское сообщество не признало Лимонова-политика, также обвинив его в безответственном подстрекательстве на радикальные действия вступивших в Национал-большевистскую партию (НБП) молодых людей. Не в меньшей степени Лимонова подозревали в том, что он эксплуатирует политический имидж ради литературного успеха. Почему скептическое невнимание к серьезности политических намерений писателя сохраняется?

Можно предположить, что в отношениях «Лимонов — писательское сообщество» действуют стереотипы восприятия в первую очередь его творческого поведения. В данной статье понятие «стереотип» определяется как редуцированный образ действительности, формируемый сознанием при восприятии повторяющихся, неизменных (или кажущихся таковыми) моделей поведения, в том числе речевого, личности. Благодаря происходящей редукции стереотип, с одной стороны, облегчает познание сложной реальности; с другой — безусловно ее упрощает [13].

Начиная с первого романа «Это я — Эдичка» (1979) творчество Лимонова интерпретируют либо в эстетике контркультурного романа, «грязного реализма» (Генри Миллер, Уильям Берроуз, Хантер Томпсон), либо как «феномен постмодернистского художественного мышления и поэтического языка» [5, с. 436]. Творческое поведение Лимонова подверглось стереотипизации в момент появления писателя в 1991 г. на российской политической арене. отождествление автора и героя, произведенное читателями, и проецирование биографии на литературную деятельность, производимое критиками-профессионалами, способствовали формированию стереотипа: Лимонов — эстетствующий фрондер, проживающий жизнь так, чтобы черпать из нее брутальные сюжеты.

Между тем публицистические статьи, которые Лимонов начал публиковать в 1989–1992 гг. в газетах «Советская Россия», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и др., и одновременное участие в трех сербских войнах, знакомство с сербскими военными

и политическими лидерами (Желко Разнатович и др.), а также первые попытки войти в политическую жизнь России (отношения с Жириновским и др.) свидетельствовали о кардинальном изменении моделей жизненного поведения, а также о смене концепции речевого поведения.

Первая публицистическая книга Лимонова «Исчезновение варваров» (1992) сложилась из публиковавшихся в названных изданиях статей. В едином целом книги они объединены устойчивыми принципами речевого поведения автора, резко отличающимися от привычных читателю (эпатажность речевых действий, яростная экспрессивность, выражаемая внелитературными средствами языка, и др.). По отношению к читателю Лимонов занимает позицию человека, более осведомленного о происходящем в России; однако имея опыт жизни на Западе и обладая преимущественным интеллектуальным знанием, он не возносится над читателем в роли учителя-проповедника, но избирает речевую стратегию, долженствующую убедить читателя в заинтересованном диалоге на равных. Лимонов насыщает изложение большим количеством документальных фактов, делает тщательные, сообразно научному стилю, ссылки на источники (словари, газетные и журнальные публикации с указанием дат, номеров, пагинации). В воздействующей и убеждающей публицистической речи они служат аргументами, удостоверяющими истинность авторских положений [14]. Единственное употребляемое в книге обращение — «читатель» — становится стилистическим приемом: его лаконичность и частая повторяемость окрашивают слово экспрессией серьезного отношения автора к собеседнику.

Более того, Лимонов не единожды подтверждает право обращаться ко всему народу с позиции более просвещенного сотоварища: «Бесчисленные поколения моих крестьянских предков кормили Россию хлебом и умирали с оружием в руках. <...> В Великой Отечественной войне погибли все мои родственники мужского пола, кроме отца» [7, с. 121]. Подобного рода биографические сведения формируют принципиально новый образ автора, берущегося судить о ситуации в стране по праву наследника в цепи поколений, составляющих русский народ.

К началу 1990-х гг. Лимонов не только сформировал собственную идеологию, но также имел основание быть неколебимо уверенным, что его идеология должна стать известна широкой читательской аудитории — его народу. Вероятно, в его представлениях о воздействующей силе публицистического слова сыграл роль опыт жизни в СССР: в советскую эпоху газетная (в первую очередь) публицистика действительно формировала сознание масс.

Идеологическая система Лимонова в целостном виде предстала перед читателем именно в рамках книги. Она зиждется на следующих базовых понятиях: История — Народ — Демократия — Интеллигенция.

Стремясь развеять внушаемые народу ревизионистские мифы о предвоенной Европе как жертве двух фашистских режимов — Германии и СССР, Лимонов просвещает читателя, «перечисляя лишь некоторые факты европейской истории, каковые или тихо исчезают из словарей и книг, или игнорируются» [7, с. 39], знакомство с которыми откроет читателю, что 1920–1930-е гг. были временем диктатур во многих европейских странах. Отрицая мифы об исключительной вине СССР в послевоенной истории за вторжение в Венгрию, Чехословакию, Лимонов приводит статистику всех вторжений США, Франции и других стран в ту же эпоху. Ссылка на источник информации — английское издание «Мир после 1945 г.» Т. Е. Ваднэй — открывает читателю возможность самому убедиться в правдивости приводимых Лимоновым статистических данных. Цель автора — сформировать позитивную идеологию у советского народа, который под воздействием перестроечной пропаганды подавлен комплексами исторической вины и неполноценности.

Лимонов строит изложение как аналитическое рассуждение (конструкции типа «можно задаться вопросом», «и последнее замечание, читатель», «ну и что ты думаешь, читатель?») подчеркивают взвешенность и неспешность речи, стремящейся вызвать читательское понимание). В ряде случаев в речь субъекта вводится мощное эмоциональное начало, которое всегда мотивируется ситуацией речи или лично пережитым и дорогим сердцу: «Потому я наливаю себе стакан красного французского вина и пью за вас, моих солдат, за тебя, дядя Федор, за тебя, дядя мой Юрий, за всех погибших НАШИХ. И за вернувшихся с войны живыми тоже пью» [Там же, с. 51]. Искренность горестного возгласа лишена нарочитости, позы. Заметим, что критики улавливают в книгах Лимонова 2000-х гг. смену общего тона авторской речи: «...наверное, что-то произошло в душе автора. То ли он смягчился по жизни, то ли не уследил за своим пером, то ли, “духом окрепнув в борьбе”, обрел новую мудрость, но в книге этой много человеческого, непридуманного, щемящего» [11].

В системе взглядов Лимонова интеллигенция представляет отрицательную социальную силу. В советское время, благодаря общедоступному высшему образованию, сформировался этот многочисленный класс «новой буржуазии», сделавший знание своим капиталом, обслуживавший партийную элиту и накопивший нереализованную политическую

энергию. Выходцы из университетской профессуры, из творческих кругов проводят «холодную» революцию, называемую перестройкой, целью которой является захват власти у партийной аристократии. В большинстве ориентированная на западную либеральную идеологию, интеллигенция не заботится ни о сохранении государственности в стране, ни о сохранении народонаселения. По мнению Лимонова начала 1990-х гг., если интеллигенция победит, у России «опять будет самый современный политический строй. Правление менеджеров» [7, с. 80].

Идеология радикалов перестройки, провозгласивших базовые понятия Рынок – Демократизация — Права человека, отвергается Лимоновым на том основании, что западная цивилизация с ее мифами о правах человека — и откровенным нарушением этих прав в международных военных операциях; о благосостоянии западных демократий — и эксплуатацией стран третьего мира, на которой основано это благосостояние; о демократии — и отсутствием настоящей свободы печати, выборов, ему, живущему в Европе с 1983 г., известна лучше, чем рядовому русскому читателю.

В конечном итоге Лимонов предлагает «новую позитивную идеологию», могущую поддержать читателя, переживающего трагические времена уничтожения общественно-политической системы, моральных основ жизни, самоуважения, гордости за недавнее историческое прошлое народ. Смысло- и стилеобразующее понятие книги — народ. К нему призывает автор в уважительно-серьезном обращении «читатель»; с ним осознает кровную связь; ему, дающему себя одурачить рвущейся к власти новой буржуазии, стремится предоставить имеющееся в распоряжении знание. Лимонов предлагает доктрину, выстроенную на устойчивых в многовековой российской государственности идеях: Народность — Традиции многонациональной российской цивилизации — Народная экономическая революция — Авторитарный лидер. Она основана на абсолютных для автора положительных ценностях: народ, Родина, государство.

Позднее, в книге «Моя политическая биография» (2002), Лимонов объяснял уход в публицистику намерением избавить читателей газет, имевших по стране огромные тиражи, от «веры в тупые сказки о скором благополучии» [9, с. 20]. Осознав, что события инициируются новой властью без участия в них народа, он решил претворить идеологию в жизнь. Лимонов начал создавать партию, руководствуясь историческим опытом «великих партий» XX в., в том числе РСДРП. В первую очередь, необходимо было издать газету, могущую распространять программные идеи и сплотить единомышленников на огромной территории России.

Вовлекать в партию необходимо было не членов уже сложившихся оппозиционных движений, находящихся в междоусобных идейных противостояниях, а молодежь — путем ее политизации.

16 ноября 1994 г. была зарегистрирована газета «Лимонка». К 1998 г. «завершилось в общих чертах становление Национал-большевистской партии» [9, с. 154]. Главные действия партийцев были направлены на поддержку русского населения, оставшегося на территории бывших союзных республик без помощи российского правительства. Событие 2000 г. в Риге, упоминаемое в процитированной выше статье Басинского, в сущности, стало последним политическим делом Лимонова (и товарищей по партии) перед арестом, двумя годами заключения в Лефортове и отбыванием срока в Саратовской тюрьме.

Итак, налицо следующий парадокс. Политическая деятельность Лимонова вызывает последовательные карательные меры со стороны власти: апрель 2001 г. — заключен в следственный изолятор ФСБ Лефортово; 20 сентября 2002 г. — газета «Лимонка» закрыта за разжигание социальной розни [12]; 2003 г. — приговорен к четырем годам лишения свободы за незаконное хранение оружия, создание незаконных вооруженных формирований; 29 июня 2005 г. — закрыта НБП. В последние годы — аресты, задержания за проведение «Маршей несогласных» и митинги всероссийского гражданского движения «Стратегия-31» (в защиту 31-й статьи Конституции о свободе собраний в России).

Между тем писательское сообщество Лимонова-политика продолжает игнорировать. Бытуют по крайней мере два рода суждений о его политической активности. Первые сводятся к осмыслению личностного склада Лимонова: «тип человека войны, современного “кшатрия”, рожденного воевать, воспринимающего войну как естественную форму существования» [2, с. 172]. Эстетика разрушения подчиняет себе все его жизненное поведение, участие в межэтнических войнах, в политических акциях НБП. Нацболовская идеология вторична, у Лимонова нет самостоятельной политической программы, ему близки любые ультраправые и ультраправые движения, если они призывают к разрушению современной цивилизации. «Вот ради этого “шороха снежинок” и ради “рыка народа”, сотрясающего кремлевские башни, ради славы, ради искусства, ради наслаждения боем он и руководит самым одиозным и самым шумным политическим движением России» [2, с. 184]. Приверженцы данной точки зрения утверждают главенство в мировоззрении Лимонова эстетики; и если процесс творчества нуждается в жизненном материале, то он

творит жизнь, чтобы черпать из нее эмоции, мотивы поведения, коллизии для образов своих героев.

Сторонники другой точки зрения признают, что «Лимонова занесло в политику» [6, с. 159] не случайно. Однако предъявляют ему сложную претензию нравственного порядка; задаются в той или иной степени вуа-лируемым вопросом о мере жертвенности, о степени готовности отвечать за свои радикальные взгляды, за вовлеченность в партию молодых товарищей, их изувеченную жизнь и смерть. Говоря иначе, в осуждении политика Лимонова звучит требование писателю Лимонову, характерное для русской национально-культурной модели, создавшей тип поэта-пророка: претензия писателя на возглашение истины подтверждается его высоким жизненным поведением, готовностью к жертве [10]. «Что ж — благодаря этой игре Лимонов, с его отчаянным революционным фанфаронством, с безумными идеями мирового переустройства в духе Пол Пота, с культом силы... место свое в реестре “священных монстров” себе застолбил. Но игра обошлась недешево. Тюремная камера в Лефортове, душный, вонючий, набитый людьми, как селедками, автозак... суд в Саратове оказались вовсе не бутафорскими. За игру в жизнь приходится платить жизнью. И не только своей. Но и жизнями (в прямом смысле слова) поверивших учителю пацанов» [6, с. 163].

Создание Лимоновым оппозиционной партии на основе выработанной им идеологической программы имеет в истории СССР единственный прецедент — Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН), созданный в 1965 г. группой единомышленников Игоря Вячеславовича Огурцова, в которую входил Леонид Бородин. Радикальная «подпольная организация, ставящая своей целью ни больше ни меньше — вооруженное свержение Советской власти» [3, с. 72], была уничтожена КГБ в 1967 г., когда получили немалые сроки в лагерях все ее участники. Данная параллель может привести к мысли, что в современной историко-культурной ситуации, когда в целом предается забвению советский исторический, в том числе героический, опыт, творческой интеллигенции трудно увериться в серьезности намерений не столько Лимонова, сколько любого деятеля, реализующего свободу политических воззрений. Тогда можно предположить, что сложившаяся в начале 1990-х гг. новая историко-культурная ситуация задала горизонт читательского ожидания, предопределивший стереотипы, в которых профессиональные читатели и стали осмыслять творческое поведение (в том числе и жизненное) Лимонова.

Между тем книга «Исчезновение варваров» продемонстрировала и действительную тревогу за брошенный в перестройку народ, и подлинный демократизм автора, определившие речевую стратегию, подразумевающую взвешенное, убеждающее историческими фактами и цитатным материалом авторское слово, направленное на читателя из народа, неосведомленностью и малой просвещенностью которого воспользовались, по мнению Лимонова, деятели перестройки. Даже если согласиться с небесспорным мнением, что идеологическая позиция автора не была нова, отметим, что публикацией газетных статей и книги Лимонов проявил новые черты личности и мировоззрения.

Со времени публикации первого романа радикальным образом изменилось мировоззрение автора. Схематично пафос романа «Это я — Эдичка» определяло «ощущение глобального одиночества человека во враждебном ему мире» [4, с. 177]. В романе «По тюрьмам» (2004), который автор писал в Саратовской тюрьме, «приоткрылся путь преодоления: выход из своего бунтующего и замкнутого “я” в мир соотечественников, в размышления над исторической судьбой родины, над непростыми социально-политическими и социально-психологическими коллизиями современности» [5, с. 436].

По всей видимости, переломными для кардинальной смены взглядов были именно 1989–1992 гг., когда поведение Лимонова определялось чувством личной ответственности за судьбу русской (в том числе советской) цивилизации. Конфликтные отношения близкого автору героя с миром в границах жизненной истории были разрешены, когда автор вышел за эти границы — в Историю, которую он, согласно его убеждениям, может изменить. По словам Лимонова, «если “художник” не приходит в конце концов к отрицанию индивидуализма, к пониманию того, что нужна сверхчеловеческая величина, которой он мог бы стать частью, то такой “художник” остается карликом навсегда. Его ждут тусовки, телешоу, пьянки, пошлость, пустота и заурядная смерть» [8, с. 410–411].

-
1. *Басинский П.* Тело Эдуарда Лимонова // Лит. газ. 2003. № 16, 23–29 апр.
  2. *Беляков С. С.* Три портрета на фоне войны : [воен. проза А. Проханова, Э. Лимонова, К. Воробьева] // Новый мир. 2008. № 9. С. 171–191.
  3. *Бородин Л.* Без выбора: Автобиографическое повествование. М., 2003.
  4. *Галимова Е. Ш.* Поэтика повествования русской прозы XX века (1917–1985). Архангельск, 2002.

5. *Иезуитов С. А.* Лимонов Эдуард // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги : биобиблиогр. словарь : в 3 т. Т. 2 / под ред. Н. Н. Скатова. М., 2005. С. 433–436.

6. *Латынина А.* Я играю в жизнь // Новый мир. 2003. № 4. С. 157–163.

7. *Лимонов Э.* Исчезновение варваров. М., 1992.

8. *Лимонов Э.* Книга мертвых. СПб., 2001.

9. *Лимонов Э.* Моя политическая биография: Документальный роман. СПб., 2002.

10. *Лотман Ю. М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1993. Т. 3. С. 127–137.

11. *Мнацаканян С.* «Книги мертвых» пишутся для живых // Лит. газ. 2011. № 36, 14–20 сент.

12. *Неупокоева О. В.* Речевой облик периодического издания (на примере газеты «Лимонка» / «Генеральная линия») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.

13. Стереотипы в языке, коммуникации и культуре : сб. ст. / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. М., 2009.

14. *Тертычный А. А.* Типы аргументов в структуре публицистического произведения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

Е. И. Пинженина

г. Красноярск

Типология героев И. А. Гончарова как способ отражения авторских стратегий бытия («срединный» герой в романной трилогии)

В романном мире И. А. Гончарова выявляется привычная для многих произведений классической литературы диспозиция героев: герой драматический и герой положительный. Общим местом стало то, что в попытке создания последнего писатель потерпел неудачу. Как правило, в гончароведении этот факт не объясняется, а только обозначается как данность. На наш взгляд, крах положительного героя Гончарова объясним, поскольку Адуев-старший, Штольц и Тушин составляют единый в основе своей тип «срединного» героя.